

Роман Унгерн-Штернберг – личность для белого движения исключительная. Не военными заслугами и регалиями – в этом он уступает многим бывшим царским генералам – а тем влиянием, которое он оказал на русскую эмигрантскую культуру в своё время и продолжает в широком смысле оказывать и в настоящий момент, вдохновляя современных писателей, поэтов, музыкантов на новые творения. На завершающем этапе своего пути барон был диктатором Монголии, непререкаемым авторитетом для своих соратников и местного населения, пытался восстановить империю Чингисхана, искал таинственную подземную страну Агарты, сочетал в своём мировоззрении буддизм и православие. Ещё при жизни многие его поступки стали почвой для слухов и легенд, окутанных мистическим ореолом.

По воспоминаниям сослуживцев, сам барон тоже был не чужд литературного творчества, однако никаких образцов, кроме дневников и писем, не сохранилось. Тем не менее, многие отмечали, что он всегда выражал мысли логично и аргументированно, подкрепляя их цитатами из большого числа источников, от древнекитайских трактатов до идей марксизма, что говорит о его образованности и большом кругозоре. В беседах с писателем-окультистом Фердинандом Оссендовским Унгерн указывает на два главных своих дела – войну и поиск пути к Богу. Удивительно, как этому человеку удавалось совмещать в себе традиционное религиозное миролюбие и страсть к разрушению.

Интерес к личности барона оказался настолько значительным, что на протяжении 20 века, да и в начале 21-го, не иссякает поток публикаций о нём, художественных и музыкальных произведений. Перечислим наиболее заметные из них. Барон Унгерн-Штернберг – один из персонажей романа британского писателя Дэниела Истермана «Девятый Будда» (1988). Барон – среди героев романа Сергея Маркова «Рыжий Будда», раскрывающего трагизм гражданской войны на Востоке России и в Монголии (опубликован в 1989 г.) Унгерну

посвящён документальный роман – историческое расследование Леонида Юзефовича «Самодержец пустыни» (1993). Образ барона встречается в произведении Артуро Перес-Реверте «Клуб Дюма или тень Ришелье» (1993). Унгерн является главным героем романа Фридриха Горенштейна «Под знаком тибетской свастики» (1995). Присутствует он в качестве эпизодического персонажа и в знаменитом абсурдистском романе Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» под фамилией Юнгерн (1996). Отметился барон и в жанре альтернативной истории, став героем романа Андрея Валентинова «Генерал-марш» (2011). Унгерн – центральный персонаж исторического романа-фантазмагии «Архив барона Унгерна», созданного Олегом Новокрещёновым, Александром Киреевым и Дмитрием Горшечниковым. Биографии барона посвящено одно из эссе в сборнике Эдуарда Лимонова «Священные монстры» (2019).

Жанр комикса тоже не оставил барона без внимания. Итальяно-французский комикс о приключениях авантюриста Корто Мальтезе, созданный Уго Праттом в конце 1960-х, имеет выпуск «Корто Мальтезе в Сибири», где главный герой гонится за золотом Колчака, и ему противостоят многие известные белые генералы, в том числе Унгерн. По мотивам этого комикса в 2002 г. был выпущен мультфильм. Француз Дидье Криссе сделал барона антагонистом в своей рисованной истории о событиях Гражданской войны на восточных окраинах Российской империи «Тень проклятых: Унгерн Хан – Монголия в 1921 г.» (конец 1970-х). Барону посвящали свои песни группы «Калинов Мост», «Н.Е.Р.Р.», «TSIDMZ», «Paris Violence», а также отдельные исполнители, например, Евгений Юркевич и Оксана Кочубей.

В кинематографе образ барона также раскрыт достаточно хорошо, хотя преимущественно и с негативной стороны. Персонаж Унгерна присутствует в советских фильмах о революционных событиях на Дальнем Востоке «Его зовут Сухэ-Батор» (1942), «Исход» (1968), «Кочующий фронт» (1971), занимает одну из ведущих ролей в российском телесериале «Вепрь» (2005-2006). Личности Унгерна посвящены художественно-документальный фильм «Только после смерти», снятый монгольским режиссёром Б. Баяром по мотивам мемуаров Фердинанда Оссендовского (2011), и документальный фильм Дарьи Хреновой «Последний поход барона» (2015).

Представленный список художественных произведений различных жанров можно дополнять и дальше. Но чем же столь примечателен образ барона, почему он вызывает такой интерес и по истечении почти ста лет после его смерти, при том, что фамилии многих генералов белого движения либо забыты, либо являются предметом исследований узкого профессионального сообщества историков и краеведов? Для начала следует привести краткую биографию барона.

Роман Унгерн-Штернберг происходил из старинного остзейского баронского рода. Его родители много путешествовали по Европе, и в одной из этих поездок, 29 декабря 1885 г., он и появился на свет. Позже семья переехала в г. Ревель (современный Таллин, Эстония), где и прошли его детские годы. Некоторое время обучался в Морском училище в Петербурге, потом перевёлся в Павловское военное училище, которое в 1908 г. успешно окончил с присвоением чина подпоручика. В том же году барон попросил устроить его на службу в Забайкальское казачье войско, находящееся в Чите, где вскоре дослужился до чина сотника. Однако дальше происходит интересное событие – в 1913 году перспективный офицер подаёт в отставку.

Чем был обусловлен этот шаг? Формально, барон отправился в Монголию, чтобы поддержать местных националистов-монархистов в борьбе с республиканским Китаем, однако в скольких-нибудь заметных событиях поучаствовать ему не удалось. Но этот жизненный поворот – одно из доказательств того, что барон был весьма противоречивой и взрывной личностью. Он увлёкся буддизмом ещё в юном возрасте, пойдя по стопам деда, принявшим это учение во время путешествия в Индию. Известно, что умеренным буддистом был и отец Унгерна.

Со вступлением России в Первую мировую войну барон покидает Монголию и, верный долгу офицера императорской армии, отправляется на фронт в составе 34-ого Донского казачьего полка. Именно в боевых действиях проявились такие его черты, как храбрость, граничащая с безумием, бескомпромиссность и самоотверженность в выполнении фронтовых задач. Унгерн был пять раз ранен, награждён несколькими орденами, например, Святого Георгия 4 степени, и Шпагой Почёта.

Летом 1917 г. барон в составе миссии есаула (впоследствии – атамана) Семёнова отправляется в Забайкалье для формирования добровольческих отрядов из монголов и бурят, где и пребывает вплоть до Октябрьского переворота, который категорически не принимает, под началом Семёнова организовав эффективную антибольшевистскую кампанию. Однако к октябрю 1920 г. под натиском Красной Армии войска атамана Семёнова вынуждены оставить занимаемые территории и отступить на Читу. Унгерн собирает имеющиеся у него силы числом чуть более тысячи сабель в Азиатскую конную дивизию и направляется в Монголию, страну, многие годы непреодолимо притягивавшую его. Урга, столица Монголии, в то время была захвачена китайскими революционными войсками (гоминьдановцами), которые являлись союзниками большевиков.

В результате двух штурмов, к середине февраля 1921 г., Урга была занята силами Азиатской конной дивизии, а духовный и светский повелитель Монголии Богдо-гэгэн Джабдзавандамбу Хутухту

освобождён из китайского плена. Барон хорошо выгадал от этой победы не только в политическом плане, став диктатором Монголии под духовным руководством Богдо-гэгэна, но и в морально-религиозном, получив неофициальный титул «Хан войны», или Хан Чян Чун. Ярость и смелость барона, его бесстрашие вызывали почти мистический трепет у местного населения, чем Унгерн не преминул воспользоваться в своих далеко идущих целях по воссозданию империи Чингисхана.

Он вёл активную переписку с монгольской и китайской знатью преимущественно из военных кругов, расписывая перспективы строительства общего государства в Азии, и, естественно, рассчитывая занять там место диктатора. Однако планы барона были далеки от реальности, он слабо представлял себе расстановку сил в Забайкалье и на Дальнем Востоке, что в итоге сыграло с ним злую шутку. Но время, проведённое им в качестве диктатора Монголии, оказалось плодотворным с точки зрения развития его образа в эмигрантской литературе.

На завершающем этапе монгольской эпопеи Унгерна рядом с ним находился писатель Фердинанд Оссендовский, упомянутый в начале статьи. Он перебрался в Монголию после разгрома Колчака и не планировал задерживаться в этой стране на пути в Пекин, однако личность барона Унгерна, его религиозно-мистическое мировоззрение вызвали неподдельный интерес у Оссендовского, увлечённого оккультиста, и заставили пересмотреть планы. Впоследствии он вернулся в Польшу, ставшую независимым государством, где по итогам своих азиатских странствий написал книгу «И звери, и люди, и боги», изданную в 1922 г. в США и ставшую настоящим бестселлером. Можно сказать, что этот человек первым сформировал и развил литературный образ барона, поэтому следует уделить его произведению пристальное внимание.

Третья часть книги «И звери, и люди, и боги», под названием «Гулкое сердце Азии», в основном посвящена барону Унгерну, его политическим и религиозным взглядам, взаимоотношению с местным населением и своими офицерами. Вот так Оссендовский описывает свою первую встречу с бароном, состоявшуюся в полевом штабе Унгерна, расположенном недалеко от Урги:

«Входите же, – услышал я высокий тенор. Стоило мне переступить порог, как в мою сторону с пружинящей ловкостью тигра метнулась фигура в монгольском халате из красного шелка. Сграбастав мою руку и хорошенько потряся ее, человек вновь рухнул на постель у полога юрты...».

«Расскажите мне о себе. Все вокруг кишит шпионами и агитаторами? – истерично выкрикнул он, не спуская с меня настороженных глаз. За считанные мгновения мне удалось постичь не

только внешность, но и характер барона. Маленькая головка на широких плечах, беспорядочно разметанные белокурые волосы, рыжеватая щетина усов, худое, изможденное лицо, вызывающее в памяти лики на старых византийских иконах. Затем все отступило перед пронизательным взглядом стальных глаз, сверлящих меня из-под массивного выпуклого лба. Взгляд хищника из клетки. Даже за эти короткие минуты мне стало ясно, что передо мной очень опасный человек, способный на любые непредсказуемые действия...».

Такое впечатление Унгерн производил на большинство людей, видевших его впервые, что подтверждают характеристики многих его сослуживцев, данные барону в письмах и мемуарах. Однако это впечатление было всё же обманчиво. Несмотря на резкость и непримиримость в суждениях, особенно по отношению к большевикам, Унгерн оставался русским офицером, для которого понятия чести и долга не были пустым звуком, пусть он и видел этот долг весьма своеобразно. В дальнейшем Фердинанд Оссендовский, узнав барона как разностороннего и увлечённого человека, меняет своё мнение о нём в лучшую сторону.

Необходимо отметить, что в период нахождения в Монголии при армии барона писатель, за исключением периодических бесед и совместных поездок с Унгерном, преимущественно был предоставлен самому себе. Как человек любознательный, он не раз расспрашивал казаков о различных эпизодах с участием барона, позволяющих составить о нём наиболее полное мнение:

«И ведь ни одна пуля не задела его – говорили казаки, отзываясь о храбрости и хладнокровии Унгерна во время боёв. Особенно поражал их случай, когда в одном бою семьдесят четыре пули изрешетили его шинель, седло и находившиеся по соседству ящики, но он так и остался невредимым. В этом была одна из причин его исключительной популярности у монголов. Также вспоминали они об аскетизме генерала – тот имел при себе лишь одну смену белья и пару запасных сапог; и о том, как спокоен и весел он в битве, а в мирные дни – суров и угрюм; и как он всегда сражается в первых рядах с солдатами...».

Действительно, монголы верили, что оружием смертных нельзя нанести вреда Хан Чян Чуну; для этого требуется гораздо более могущественный и совершенный инструмент. В значительной мере популярности Унгерна у монголов способствовали и более прозаичные причины – во-первых, он принял монгольское подданство, что само по себе было нетипичным для русского офицера шагом, во-вторых, хоть об этом мало где упоминается, он заслужил их доверие благодаря своей экономической политике. Собственно, никаких реформ барон не проводил, ему это было неинтересно и чуждо, однако он просто оставил монголов в покое, позволив им жить так, как они хотят.

Во время следующей встречи Оссендовского с Унгерном последний говорит о своих планах и намерениях:

«Мои дела здесь подходят к концу. Через девять дней я выступлю против большевиков, направившись в Прибайкалье. Прошу вас провести со мной оставшиеся дни. Многие годы я лишён цивилизованного общества и живу наедине со своими мыслями. Мне хотелось бы познакомить вас с ними, чтобы вы увидели во мне не «кровавого свихнувшегося барона», как зовут меня враги, и не «сурового деда», как называют меня мои офицеры и солдаты, а просто человека, который много искал, а страдал и того больше...».

Дальше во время беседы барон довольно подробно раскрывает свои религиозно-философские взгляды:

«В буддийской и древней христианской литературе встречаются суровые пророчества о времени, когда разразится битва между добрыми и злыми духами. Тогда в мир придет и завоюет его неведомое Зло; оно уничтожит культуру, разрушит мораль и истребит человечество. Орудием этого Зла станет революция. Каждая революция сметает стоящих у власти созидателей, заменяя их грубыми и невежественными разрушителями. Те же поощряют разнузданные, низкие инстинкты толпы. Человек всё больше отлучается от Божественного, духовного начала. Великая война показала, что человечество может проникнуться высокими идеалами и идти по этому пути, но тут в мир вошло Зло, о приходе которого задолго знали Христос, апостол Иоанн, Будда, первые христианские мученики, Данте, Леонардо да Винчи, Гёте и Достоевский...».

Оссендовский много обсуждал с Унгерном проблемы политики, религии, философии, постепенно открывая для себя глубину познаний барона в разных гуманитарных областях и поражаясь, как этот человек, истово увлечённый войной, мог аргументированно рассуждать о мирном объединяющем божественном начале, о развитии новой азиатской цивилизации на просторах бывшей империи Чингисхана:

«В целях противодействия угрозе революции надо было ещё раньше объединить все монгольские народы, не забывшие древние верования и обычаи, в одно Азиатское государство, состоящее из племенных автономий, под эгидой Китая – страны высокой и древней культуры. В этом государстве жили бы китайцы, монголы, тибетцы, афганцы, монгольские племена Туркестана, татары, буряты, киргизы и калмыки. Это могучее – физически и духовно – государство должно преградить дорогу революции, ограждать от чужеродных посягательств свое духовное бытие, философию и политику...».

Большое впечатление на Оссендовского произвёл их совместный с Унгерном визит в главный ламаистский храм Урги к Богдо-гэгэну, духовному наставнику всех монголов:

«Генерал представил меня богдохану; тот в ответ приветливо кивнул головой. Между ними завязался тихий разговор. Сквозь распахнутую дверь виднелась часть молельни: большой стол, заваленный книгами, жаровня с раскалёнными углями, корзина с лопатками и внутренностями барана для гадания. Довольно скоро барон встал и склонился перед богдоханом в низком поклоне. Тибетец возложил руки ему на голову и зашептал слова молитвы. Затем снял с себя образок, повесил его барону на шею, и сказал: "Ты не умрёшь, а перейдешь в высшую форму бытия. Помни об этом, воплощенный Бог войны, хан благодарной Монголии"....».

Это была последняя встреча барона с писателем Фердинандом Оссендовским. Вскоре Унгерн отправился в свой последний поход против большевиков, а Оссендовский покинул Монголию, благополучно добрался до Пекина, откуда через Японию выехал на родину, в Польшу. Потом писатель не раз отмечал, какое сильное впечатление на него произвела личность Романа Фёдоровича Унгерна-Штернберга, «Живого Бога войны», жёсткого командира и мечтателя-идеалиста в одном лице, человека, в которого, по монгольской легенде, вселилась душа Чингисхана.

Образ барона Унгерна нашёл отражение и в творчестве поэта Арсения Несмелова (1889-1945), тоже воевавшего с большевиками в составе армии Колчака. После поражения Верховного правителя Несмелов добрался сначала до Читы, а потом до Владивостока, откуда в 1924 г. эмигрировал в Харбин, где и жил вплоть до 1945 г., активно сотрудничая с местной русскоязычной периодикой как эссеист, фельетонист, поэт и литературовед. В своей «Балладе о даурском бароне» поэт рисует довольно мрачную картину:

К оврагу, где травы рыжели от крови,
где смерть опрокинула трупы на склон,
папаху надвинув на самые брови,
на черном коне подъезжает барон.

Несмелов не был лично знаком с Унгерном, поэтому наделял его преимущественно теми чертами, которые придавали ему молва и слухи. Эта баллада не претендует на историческую достоверность, являясь в полной мере художественным вымыслом, построенным на фантазии автора и обращающим внимание читателя на тёмную мистическую сторону героя. Неудивительно, что по ходу баллады появляется ворон – символ смерти – несущий для барона особенный смысл и, по сути, объясняющий жестокие расправы над врагами.

Скакун обезумел, не слушает шпор он,
выносит на гребень, весь в лунном огне, –

испуганный шумом, проснувшийся ворон
закаркает хрипло на черной сосне.

Герой баллады Несмелова замечает странности в поведении ворона. Кажется, будто ворон каркает не ему, а кому-то другому. Значит, ворон захворал, его надо лечить, поэтому барон зовёт врача и требует от него действий. Врач, понимая, что ничего поделать не в состоянии, выходит в переднюю и кончает с собой. Но кровавый барон на этом не останавливается; тут же ему доносят, что поймали партизанку и комиссара – естественно, их участь незавидна. Таким образом, барон ведёт счёт смертям, ожидая карканья ворона над телами врагов как ободряющего знака. Однако есть и высшая справедливость – по непонятной причине (то ли объевшись гнили, то ли с испугу, по мнению начштаба барона) ворон издыхает. Другого ворона у героя баллады в запасе нет, и, повинаясь неконтролируемому ужасу от потери, окончательно обезумев, он прекращает поход и отступает на Ургу. И – вот неожиданность – позади барона вороньим граем падает глухонемая даурская ночь...

Баллада заканчивается так:

Я слышал: в монгольских унылых улусах,
ребёнка качая при дымном огне,
раскосая женщина в кольцах и бусах
поёт о бароне на чёрном коне...
И будто бы в дни, когда в яростной злобе
шевелится буря в горячем песке, –
огромный, он мчит над пустынею Гоби,
и ворон сидит у него на плече.

Не будем говорить о литературном уровне данного произведения, отметим лишь, что автор отразил самые негативные черты барона, приправив их третьесортной мистикой. Несмелов сознательно упростил и демонизировал образ Унгерна с целью более сильного эмоционального воздействия на читающую публику. Тем не менее, «Баллада о даурском бароне» является важной интерпретацией образа барона, поскольку, несмотря на гипертрофированность событий, следует признать, что слухи на пустом месте не появляются.

О бароне Унгерне можно найти много упоминаний в мемуарах его подчинённых, офицеров Азиатской конной дивизии. Следует выделить следующие: В.И. Шайдицкий, «На службе отечества»; А.С. Макеев, «Бог войны – барон Унгерн: Воспоминания бывшего адъютанта начальника Азиатской конной дивизии»; Н.Н. Князев, «Легендарный барон»; Н.М. Рибо, «История барона Унгерна-Штернберга, рассказанная его штатным врачом», и другие. Этот довольно полный

перечень мемуаров представлен в замечательной книге С.Л. Кузьмина «Барон Унгерн в документах и мемуарах» (2004 г.)

Почти все офицеры отмечали весьма своеобразные для того времени взгляды барона на религию. По их словам, барон был твёрдо убеждён, что Бог есть единственный источник чистого разума и начало всех начал, причём неважно, через какую конфессию ты приходишь к Нему. Поэтому спор служителей разных религий не имеет под собой оснований; Бог – вне представлений о Нём человеческого разума. Тем не менее, барон выделял буддизм как один из самых разумных путей постижения божественного начала, считая эту религию человечнее и мудрее прочих. Среди личных качеств барона наибольшее уважение вызывало его безразличие к собственному комфорту. Чаще всего он ходил в старом монгольском халате с генеральскими погонами и с Георгием, надевая мундир лишь по особым случаям, спал на деревянных нарах или на земле, питался из общего солдатского котла.

Барон неоднократно говорил подчинённым, что великий князь Михаил Александрович Романов на самом деле жив, неизбежно его скорое воцарение и падение большевизма. Под этими лозунгами и начался его последний поход против большевиков, из которого барон не вернулся. Войска Унгерна в августе 1920 г. потерпели поражение в районе Верхнеудинска, и его, по свидетельствам историков, выдали красным свои же в обмен на беспрепятственное отступление в Манчжурию. 15 сентября 1921 г. Роман Фёдорович Унгерн-Штернберг был расстрелян. Но до сих пор в Монголии жива легенда, что на самом деле погиб другой человек, а барон нашёл-таки вход в таинственную страну Агарты, где и пребывает по настоящий момент с верными людьми.